

Б.А. Железняков
Е.Ш. Акымбек
В.Л. Железнякова

<https://doi.org/10.52967/3007-6528.2023.2.52.65>

Борис Анатольевич Железняков¹, boriszheleznyakov@mail.ru,
Ералы Шардарбекулы Акымбек¹, eraly_a@mail.ru,
Вера Леонидовна Железнякова¹, jeweller_22.06.05@mail.ru

¹Институт археологии им. А.Х. Марғұлана, г.Алматы, Казахстан

Петроглифы Улкен Шабакты, Малый Каратау (исследования 2022 г.)*

Публикация вводит в научный оборот результаты обследования ландшафта долины Улкен Шабакты. В 2022 г. средняя и нижняя часть этого ущелья была детально обследована и все петроглифы учтены. Проведен статистический анализ наскальных изображений: преобладают петроглифы раннего железного века. Встречаются петроглифы всех эпох, уникальностью отличаются редкие петроглифы эпохи бронзы. На левом берегу речки отмечена линия поселений, где обнаружены орудия земледелия конца XIX – начала XX в. Здесь природно-климатические условия благоприятствовали ведению хозяйства на протяжении человеческой истории, где условия жизни были лучше, чем в полупустынной равнине. Приводится краткая история изучения памятников наскального искусства Каратау, приоритет отдается памятникам Южного Каратау – трем хребтам: Боралдаю, Большому и Малому Каратау, а также Таласскому и Угамскому хребтам.

Ключевые слова: Малый Каратау, аул Караой, Улкен Шабакты, петроглифы, древность и Средневековье, Новое время

Борис Анатольевич Железняков¹,
Ералы Шардарбекулы Акымбек¹,
Вера Леонидовна Железнякова¹

¹Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан

Үлкен Шабакты петроглифтері, Кіші Қаратау (2022 ж. зерттеулер бойынша)

Мақалада Үлкен Шабакты аңғарындағы ландшафтты зерттеудің нәтижелері ғылыми айналымға енгізіліп отыр. 2022 жылы шатқалдың ортаңғы және төменгі бөліктері толықтай зерттеліп, барлық петроглифтер есепке алынды. Жартас суреттеріне статистикалық талдау жүргізіліп, ерте темір дәуірінің петроглифтері басым екендігі анықталды. Дегенмен, барлық дәуірлерге тән петроглифтер бар және қола дәуірінің сирек кездесетін петроглифтері өзінің бірегейлігімен ерекшеленеді. Өзеннің сол жағалауында XIX ғасырдың аяғы – XX ғасырдың басымен мерзімделетін егіншілік құралдары кездесетін қоныстар анықталды. Мұндағы табиғи-климаттық жағдайлар адамзат тарихында шаруашылық жүргізуге қолайлы, әрі өмір сүру жағдайлары шөлейтті жазық аймаққа қарағанда жақсы болған. Зерттеу жұмысында Қаратау жартас өнері ескерткіштерін зерттеудің қысқаша тарихы келтіріліп, Боралдай, Үлкен және Кіші Қаратау жоталары кіретін Оңтүстік Қаратау ескерткіштеріне, сонымен қатар Талас және Өгем жоталарына басымдық беріледі.

Түйін сөздер: Кіші Қаратау, Қараой ауылы, Үлкен Шабакты, петроглифтер, ежелгі және ортағасыр, жаңа заман

© 2023 Железняков Б.А., Акымбек Е.Ш., Железнякова В.Л.

* Исследования выполнены в рамках финансирования грантового исследования Комитета науки МНВО РК 2021–2023, ИРН проекта № AP09260358

Boris Zheleznyakov¹,
Yeraly Akymbek¹,
Vera Zheleznyakova¹

¹ Margulan Institute of Archaeology,
Almaty, Kazakhstan

Petroglyphs of Ulken Shabakty site in Eastern (Small) Karatau (research of 2022)

The publication introduces the results of a survey of the landscape of the Ulken Shabakty Valley. In 2022, the entire middle and lower part of this gorge was surveyed in detail and all petroglyphs were taken into account. A statistical analysis of rock carvings has been carried out: petroglyphs of the Early Iron Age predominate. Petroglyphs of all eras are found, rare petroglyphs of the Bronze Age are unique. On the left bank of the river, a line of settlements is marked, where agricultural implements of the late 19th early 20th centuries were found. Here, the natural and climatic conditions have favored farming throughout human history, where living conditions were better than in a semi-desert plain. A brief history of the study of Karatau rock art monuments is given, priority is given to the monuments of South Karatau three ridges: Boraldai, Bolshoy and Maly Karatau, as well as the Talas and Ugam ranges.

Keywords. Maly Karatau, Karaoi ауы, Ulken Shabakty, petroglyphs, antiquity and the Middle Ages, Modern times

Введение. Местонахождение Улькен Шабакты было выявлено в 2009 г. Тогда было обнаружено небольшое их число. Краткие сведения были опубликованы при обследовании всей территории Таласского района Жамбылской области [Свод 2010: 134]. В июле 2022 г. сотрудниками Таласского отряда Института археологии им. А.Х. Маргулана (под руководством Е.Ш. Акымбека) Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции (ЮККАЭ) были проведены исследования памятников наскального искусства и культурного ландшафта ущелья Улькен Шабакты, расположенного выше по склону, в западном направлении от аула Караой. По ущелью с верховий Малого Каратау сбегают река Улькен Шабакты. Местность располагается приблизительно в 90 км по прямой к северу от дороги Тараз – Шымкент, проходящей по ущельям через южные отроги хребта Каратау. Ущелье относится к центральной части Малого Каратау, к его восточным склонам. Ниже склона располагается широкая межгорная равнина, на которой отмечены курганные могильники раннего железного века. Еще далее к юго-востоку, уже у подножия гор Малого Каратау, находится известный могильник Берккара. Нижняя и средняя части ущелья предварительно уже были обследованы в 2009 г. Е.Ш. Акымбеком и Ч. Кудабеевым в составе экспедиции ТОО «Археологическая экспертиза» при проведении работ по «Своду памятников» Таласского района Жамбылской области, которые были опубликованы. Тогда было отмечено наличие петроглифов от эпохи

бронзы до современности, а также поселений как минимум позднего периода. «Петроглифы Улькен Шабакты (зимовка Байжан), эпоха бронзы, ранний железный век, средневековые (археол.). В 5 км к западу от села Караой, на левом берегу речки Улькен Шабакты, на скальных выходах ущелья Байжан» [Свод 2010: 134]. В результате авторы анализируют памятники наскального искусства, проводят реконструкцию значения этого ландшафта для населения в разные исторические периоды.

Краткая история изучения петроглифов юга Каратау. Несмотря на то что первыми крупными открытиями на территории юга Казахстана явились Тамгалы/ Танбалы (Максимова А.Г.) [Максимова 1958], Кулжабасы (Мариковский П.И.) [Мариковский 1961] в 1950-е гг., методика изучения наскального искусства (памятников и отдельных плоскостей) была «отточена» М.К. Кадырбаевым и А.Н. Марьяшевым на памятниках хребта Каратау [Кадырбаев, Марьяшев 1977: 197–211] и смежных микрорегионов Северного Тянь-Шаня, к Таласскому Алатау, например, на памятнике Габаевка (Актобе), в значительной степени подтвердилась капитальным трудом Я.А. Шера [Шер 1980].

Хребет Большой Каратау имеет протяженность 420 км. Малый Каратау, начинающийся от Таласского Алатау, протянулся менее чем на 200 км. Малый Каратау идет параллельно Большому, они разделены разломом. Кроме того, на юге Каратау есть еще один хребет – Боралдай протяженностью 70 км, где петроглифы были известны едва ли не с начала ар-

хеологического изучения региона. В 1904 г. петроглифы Боралдая исследовал Петр Иванович Комаров [Комаров 1905]. Он узнал о «письменах на камнях» от местного жителя Молды Темира [Комаров 1905: 22]. В дальнейшем эти петроглифы изучались еще не раз. В 1980–1990-е гг. основным исследователем петроглифов памятника и региона стал А.С. Мирзабаев [Мирзабаев 1986; Мирзабаев, Абсеметова 2002]. Изображения Боралдая были разделены исследователем на четыре хронологических пласта – от эпохи бронзы до позднего Средневековья. В монографии Б.А. Байтанаева, С.А. Потапова и А.Н. Грищенко опубликована наиболее полная информация по наскальным изображениям Боралдая [Байтанаев и др. 2007]. Петроглифы верховьев Боралдая, урочища Теректы расположены чуть более чем в 40 км от Улкен Шабакты, в юго-западном направлении. И по отдельным петроглифам эпохи бронзы можно говорить об определенных параллелях, подразумевая, что это не только географически самый близкий памятник из известных крупных объектов наскального искусства.

Регион в целом изобилует мелкими и средними по количеству памятниками наскального искусства. Типы памятников еще предстоит определить: крупные – святилища, их местонахождение у поселений, на путях коммуникаций, у водных источников и т. д. Первым исследователем петроглифов Аксу-Джабаглы в середине 20-х гг. XX в. стал В.А. Городцов, им были определены даты петроглифов – XIX–I вв. до н. э. Определенные наработки были внесены в периодизацию петроглифов региона А.Н. Бернштамом. Однако главный вклад в периодизацию петроглифов всего региона Центральной Азии внес Я.А. Шер [Шер 1980]. Непосредственный вклад в исследования петроглифов Малого Каратау внесли М.К. Кадырбаев и А.Н. Марьяшев [Кадырбаев, Марьяшев 1977: 6–23]. К началу 1970-х гг. этими исследователями был проведен солидный объем работ: было обнаружено около 10 новых местонахождений петроглифов всего Каратау, около 10 тысяч петроглифов, сделано их описание и частичное копирование. Самое главное – была разработана пока еще общая, но вполне четкая система датировок по пластам: эпоха бронзы, эпоха раннего железного века, древнетюркский период [Байпаков, Марьяшев 2013: 6]. Не обошлось без дискуссий, особенно относительно раннего периода эпохи бронзы [Байпаков, Марьяшев 2013: 7], что в дальнейшем получило развитие в исследованиях по наскальному искусству на памятниках Юго-Восточного Казахстана [Марьяшев, Железняков 2014].

Несмотря на исследования отдельных памятников, прилегающих к Малому Каратау, например, Маймака и Габаевки (Актобе) группой А.Н. Марьяшева, полного охвата площадей в дальнейшем не последовало, прежде всего из-за огромных территорий, где потенциально могут располагаться петроглифы на Малом Каратау. Третьим памятником, расположенным к юго-востоку от города Тараза, был Карасай. Также были обследованы петроглифы в заповеднике Аксу-Джабаглы. Два памятника наскального искусства с восточных склонов Каратау, расположенных значительно севернее, представлены в монографии М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева – это Арпаозен и Койбагар [Кадырбаев, Марьяшев 1977: 197–211]. Эти же местонахождения петроглифов были изучены другой международной группой исследователей. Западный Каратау исследован значительно лучше, в том числе относительно небольшой хребет Боралдай.

С момента публикаций исследований прошло большое количество времени. Значительной по своему вкладу в изучение изобразительного искусства раннего железного века, в том числе памятников хребта Каратау, в эволюцию образа верблюда, которого так часто изображали на скалах этого хребта, можно считать монографию А.З. Бейсенова и А.Н. Марьяшева, где уделено большое внимание истории изучения петроглифов Каратау, начиная с исследований М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева, в частности памятника Ушожен на западных склонах Каратау [Бейсенов, Марьяшев 2014: 29, рис. 75а–76].

Впервые археологические исследования были проведены в местности под руководством М. Елеуова [Елеуов и др. 2006]. Непосредственно данный регион был исследован Е.Ш. Акымбеком, Ч. Кудабаяевым и С. Мургабаевым в 2009 г., в ходе чего было обследовано несколько относительно небольших разновременных памятников наскального искусства Северо-Восточного Каратау (Малого Каратау) на территории Таласского района. Тогда на археологическую карту района было нанесено несколько памятников наскального искусства. Карта памятников сельского округа из публикации приведена ниже (рис. 1) [Свод 2010: 134]. Улкен Шабакты находится всего в 40–45 км по прямой от известного памятника петроглифов (верховий) Боралдая. В репертуаре двух памятников просматриваются определенные параллели; это относится к эпохе бронзы, несмотря на единичность изображений этого периода в Шабакты.

Методика, материалы. Более 350 наскальных изображений было открыто и зафиксировано в ходе проведения исследований, лишь несколько из них

остались не интерпретированными главным образом по причине плохой сохранности, разрушения поверхности. Значение реализованных исследований заключается в проведении разведки широкими площадями всех склонов с южной экспозицией, вершин, седловин, руинированных памятников, расположенных в средней и нижней частях ущелья Караой. Разведка проведена отрядом, в том числе археологом и археозоологом М.С. Шагирбаевым, в ходе которой были зафиксированы все имеющиеся там петроглифы.

По результатам фотофиксации отдельных рисунков и плоскостей был проведен статистический анализ, произведена компьютерная (черно-белая) отрисовка наиболее ценных петроглифов. Приоритет был отдан плохо видимым рисункам с общей патинизацией, со следами отслоения корочки и другими повреждениями, что было невозможным без применения многократного увеличения, по результатам которого удается отследить каждый удар инструмента художника и других оптических эффектов, способных отделить уже патинированные «выбитые» поверхности от естественных. Все это возможно в графических компьютерных программах. Тем самым проведены специфические исследования культурного ландшафта и обработки данных.

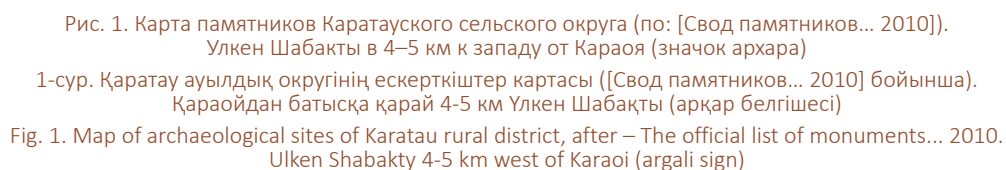
В свое время Д. Байтилеу уделил особое внимание становлению методологии интерпретации духовного содержания в наскальном искусстве, выделив значительное продвижение в этой части М.К. Кадырбаева и А.Н. Марьяшева [Байтилеу 2007]. Работа была основана на значительном материале собственных исследований этих двух выдающихся ученых, в 1977 г. документировавших 11 крупных и несколько мелких памятников «на Каратау» [Байтилеу 2007: 17]. В этом и заключается успех методологии исследований памятников наскального искусства, без тяжелых полевых исследований не бывает дальнейших результатов. Микрорегион представляет интерес для исследователей естественных наук, в частности, защищаются магистерские диссертации по геологии в соседней РФ, что объясняется значительным объемом знаний, накопленным в предыдущие десятилетия [Рекашова 2017]. От Большого Каратау с юга регион Малого отделяется Главным Каратауским разломом. В последние годы была уточнена геологическая карта Большекарской долины [Рекашова 2017: 14, рис. 10].

Характеристика природного ландшафта. Каратау – самый северный хребет Западного Тянь-Шаня. Южным своим концом он смыкается с отрогами Таласского Алатау, а затем уходит на север почти на

400 км. Весь массив условно делится на три части – Боралдай, Малый Каратау и Большой Каратау. Восточный Каратау имеет слабоволнистую вершинную поверхность, сложенную сланцами и песчаниками протерозоя. Восточный, или Малый, Каратау состоит из двух параллельных хребтов – северного и южного, разделенных реками Боралдай и Терс, текущих в противоположных направлениях. Макушка северного хребта представляет собой широкое плоскогорье. Подробнее физико-географическая характеристика Малого Каратау представлена в монографии А.З. Бейсенова и А.Н. Марьяшева [Бейсенов, Марьяшев: 4–5].

Низкогорная местность, где стекают реки Улкен и Бала Шабакты, имеет достаточно сильно изрезанный рельеф. При наличии постоянных водных источников, растительности всегда привлекала население в разные исторические периоды более мягким климатом, наличием гумусированных почв, возможностью заниматься агропроизводством и выпасом скота. Наличие патинированных поверхностей способствовало проявлению человеческого художественного гения в различные периоды человеческой истории. В целом длина плавного восточного склона (по прямой) составляет свыше 13–14 км. Обследования были проведены до сужения ущелья, отмечаемого в средней части ущелья. Скальные патинированные выходы, отдельные из которых с прямыми сколами, отмечены лишь на коротком участке длиной до 1,5–2 км, шириной до 1 км. Это средне-нижняя часть ущелья, где перепады высот относительно большие, соответственно, крутые склоны. Здесь же отмечена концентрация поселений последних полутора веков по верхнему горизонту. Рельеф имеет естественное поднятие в западном направлении к горной части хребта Каратау с 770 до 1250 м над у.м. Далее следует понижение к долине Арыси.

Культурный ландшафт. На левой береговой террасе, имеющей южную экспозицию, были обнаружены поселения земледельцев конца XIX – начала XX в., произведены фотофиксация и визуальное обследование. Целый ряд поселений этого периода, судя по визуальной толщине слоя, состоящего из напластований разрушенных конструкций и остатков жизнедеятельности местного населения и скота, очевидно, «перекрывает» многослойные поселения ранних периодов, расположенных на берегу речки Улкен Шабакты, стекающей с верхней части ущелья, вбирая целый ряд притоков из боковых ответвлений ущелья, берущих постоянный сток из родников. Нижние культурные слои теоретически могут быть датирова-

ны ранним железным веком и даже эпохой бронзы, периодом, к которому относятся более двух десятков петроглифов, когда было начато формирование «алтарной плоскости». Датировка верхнего слоя поселения однозначно следует из артефактов орудий земледелия и земледелия: кованых сошников, лопат, которые были найдены в хозяйственном помещении и переданы в областной краеведческий музей города Тараза. Даже в летнее время речка Улкен Шабакты имеет постоянный сток, «уходя под землю» уже на выходе из ущелья. В межгорной долине, к востоку от аула Караой, отмечены цепочки курганов (могильники), главным образом на водоразделах у выходов из ущелий [Свод 2010: 123–134]. В целом карта археологических памятников Каратауского сельского округа приведена в Своде Таласского района, на ней выделен памятник Улкен Шабакты в Каратауском сельском округе (рис. 1) [Свод 2010: 122].

Петроглифы Улкен Шабакты. В результате тщательного осмотра северной части ущелья, где было отмечено значительное количество патинированных скальных поверхностей с южной экспозицией, был задокументирован комплекс петроглифов, состоящий из весьма разновременного пласта петроглифов на достаточно крупном по площади памятнике размерами 2×1,5 км. Местность удалена на 3,5 км по прямой от аула Караой, отличается наличием скальных выходов, часть из которых удобна для нанесения петроглифов, а также для обзора с нижней стороны, расположенной к югу от плоскости. Было обнаруже-

но около пятидесяти рисунков самых разных эпох – от эпохи бронзы до современности.

Одной из главных и значимых находок среди изобразительных памятников ландшафта явилось изображение двух колесниц эпохи средней бронзы, судя по аналогиям, представленным не только со всего Казахстана, но и с большей части Евразии В.А. Новожиновым [Новожинов 2012]. Изображение колесницы было выбито на отдельном камне, имеющем почти горизонтальную поверхность, расположенном на некотором удалении от основных скоплений петроглифов (рис. 2), тем самым подтверждая тезис о том, что колесницы зачастую выбивались на отдельных камнях. Это определенно свидетельствует об использовании этого средства коммуникации как в материальном плане, так и для сакрализации этого образа, а также можно судить о степени вовлеченности в региональные и межрегиональные культурные связи постоянного населения или путешественников. На изображении имеются передний и вторичный планы, тем самым прослеживается развитие наскального искусства. На поверхности камня имеются и другие выбивки, главным образом козлов и архаров.

Статистика. Преобладают изображения раннего железного века, из них по числу преобладают гунно-сарматского времени (весьма схематичные, пробитые узкими линиями изображения животных, в основном козлов и архаров, символизировавших фарна). Есть изображения сакского периода, в том числе и отдельные, развивавшие традицию и представляющие яв-

Рис. 2. Две колесницы и упряжь с тягловыми животными на втором плане. Улкен Шабакты. Эпоха бронзы. 75×65 см
2-сур. Екі дөңгелекті екі арба мен олардың артындағы жегу әбзелі бар жегін мал. Үлкен Шабакты. Қола дәуірі. 75×65 см
Fig. 2. Two chariots and a harness with draft animals in the background. Ulken Shabakty. The Bronze Age. 75×65 cm

ную художественную ценность). Однако преобладают весьма посредственные, повторяющиеся изображения козлов и архаров гунно-сарматского времени. Среди петроглифов раннего железного века их число превышает 75% (число незначительно превышает 200 изображений), далее следуют верблюды и олени, выполненные в сходной «линейной» стилистике. Достаточно много изображений древнетюркского периода, а также Нового времени. Всего было зафиксировано 358 петроглифов, изображенных на 83 плоскостях. По количеству изображений они делятся на следующие основные хронологические эпохи: бронзы – 40 изображений (11%), раннего железного века – 251 (70%), древнетюркского периода – 31 (9%), Нового времени – 18 (5 %), XX века (вторая половина) – 9 (3%), неопределенные – 10 (2%). Наибольшим числом отличается так называемая крупная алтарная плоскость, несмотря на явно «забитую» среднюю часть плоскости, которая осовременивалась периодически актуальными изображениями для «текущего» периода.

Тем самым, исходя из статистических данных по периодизации петроглифов, можно относительно точно представить степень заселенности данной местности в разное время, с той лишь поправкой, которая свидетельствует о «культе изобразительности» в каждом из исторических обществ, о различном художественном достоинстве произведений разных эпох: весьма массовых и серийных выбивках образа фарна в усуньское время, крупных повествовательных образах эпохи бронзы (малочисленных), а также о тюркском эпосе, выраженном в наскальном искусстве в отдельных памятниках самостоятельными эпическими произведениями. В большинстве случаев тюркский период отмечается небольшими сценами охоты, добавлениями фигур всадников в палимпсесты и различного рода подновлениями и дополнениями (рис. 3).

«Алтарная» плоскость крупных размеров (1,8–2,5 м высотой и 3,5 м в длину) с юго-западной экспозицией расположена в центральной части местонахождения петроглифов. Скальный выход с вертикально сколотой поверхностью заметен издали, имеет крупные размеры, является логическим, можно предполагать, и ритуальным центром культурного ландшафта Улкен Шабакты. Два крупных изображения архаров в позе «священного брака» были изображены здесь в эпоху позднего этапа ранней бронзы. У самца два крупных рога, у самки – один небольшой. Передняя часть морды верхнего животного утрачена. Животные изображены тучными, на корот-

ких ножках, многие пропорции несколько нарушены, что характерно для ранней бронзы. Их размеры и положение на плоскости свидетельствуют о том, что они были выбиты на «чистой» плоскости, на правом «полотне».

Вся плоскость разделена на три сектора сквозными трещинами сверху донизу. На прорисовке они отмечены пунктирной линией. На соседней части плоскости также имеются глубокие линии, оставшиеся от подобных изображений сходного времени. Но теперь они полностью «забиты» более поздними массовыми, мелкими «линейными» изображениями козлов и архаров, которые, впрочем, сейчас не «читаются». Еще два изображения эпохи бронзы: три окружности, соединенные двумя прямыми линиями; скорей всего, это повозка или символика повозки, которая также может быть отнесена к поздней бронзе. Большинство изображений либо были подновлены, либо частично забиты новыми рисунками. Интерпретация многих изображений на сильно «забитом» фоне весьма затруднена. Вполне возможно, что на плоскости имелись и более ранние изображения, тем более что они имеются в ландшафте.

Это единственная подобных размеров и прямого скола с патинированной поверхностью плоскость на местонахождении. Ее выделяют юго-западная ориентация патинированной поверхности, она практически вертикальная, содержит пять изображений конца XX в., это видно по тематике изображений – грузовая автомашина, современная символика, по полному отсутствию патинизации выбивки этих изображений, а также по годам: 1995 и 2011 гг., по выбитому имени «Нургельды». Основное число петроглифов было выбито в ранний железный век, среди них имеются изображения лошадей, козлов, верблюда. На плоскости по числу (но не занимаемой площади) преобладают «линейные» изображения козлов и лошадей, относящихся главным образом к гунно-сарматскому периоду, но также имеются изображения двух лошадей эпохи поздней бронзы. Всего в верхнем правом углу выбито около двух десятков представителей подобного «стада». В нижнем правом углу к трем сакским изображениям (далее налево) добавлено порядка восьми гунно-сарматских, весьма схематических изображений козлов. Процессию животных возглавляет изящный и крупный козел сакского времени в динамичной позе «остановки», скорее, начала движения; двойные линии огромных дугообразных рогов достают почти до крупа животного.

Четвертое, относительно крупное изображение животного ранней бронзы трудно определить из-за

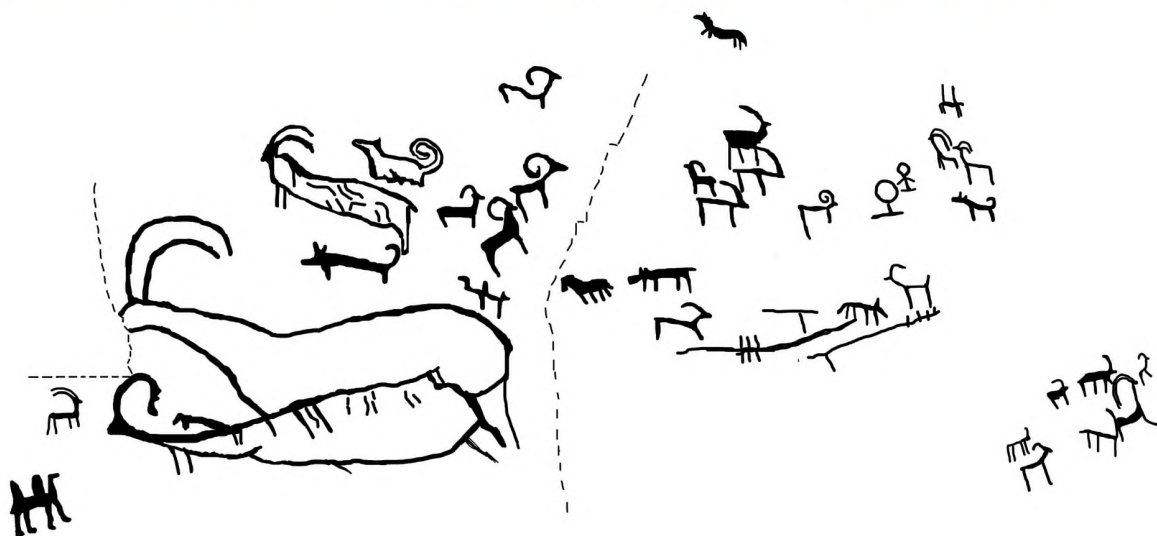

Рис. 3. «Алтарная плоскость» Улькен Шабакты в центре местонахождения. Палимпсест, эпоха бронзы – современность
3-сур. Петроглифтер табылған жердің орталығындағы Улькен Шабакты «алтарь беті». Палимпсест, қола дәуірі–қазіргі заман
Fig. 3. The «Altar surface» of Ulken Shabakty in the center of the location. Palimpsest, Bronze Age – modernity

последующих «забиваний» поверхности камня. Благодаря подновлениям и дополнениям от крупных изображений, предположительно, козлов, аналогичных тем, которые изображены на левой части плоскости, от них остались только наиболее глубокие прямые линии верхней части крупа. Художником было прорисовано всего несколько изображений на этой плоскости – сцена «священного брака». Среди пятидесяти изображений на этой плоскости преобладают изображения архаров гунно-сарматского времени. Выбито и несколько изображений сакского периода в типичных грациозных и динамичных позах. Обозревая подобные крупные плоскости – палимпсесты, наглядно видно «движение исторического процесса», смена одних приоритетов другими.

Изображение мифологического сюжета.

Козел на «ножках с колесами» (на движущемся подиуме) (рис. 4). Этот сюжет можно назвать вполне уникальным, поскольку представляет, очевидно, определенную (для посвященной части населения) мифологию, известную широкому кругу населения, но воплощенную на скальных поверхностях только здесь. Поскольку животное изображено в боковой проекции (две ноги и два колеса), можно уверенно предположить, что подразумевалось наличие четырех ног и четырех колес у повозки. В основе образа может лежать определенная канонизация образа горного барана – архара, в среднеазиатской традиции связанного с образом «фарна», о чем писали многие исследователи (Б.А. Литвинский, К.М. Байпаков), или образа местного животного, являвшегося источником пищи для населения. Однозначная трактовка подобного образа пока максимально затруднена. Наиболее логичным, вероятно, будет выдвинуть версию о сакрализации образа горного барана со слегка закрученными назад рогами. Возможно, здесь зримо отражена ритуальная сцена с движением изображения козла на «чудо-колесах». Этот мотив становится популярным, исходя из «палеовыбивки» в эпоху средней бронзы.

Сцены с поединками (рис. 5). Петроглифы Улкен Шабакты и Боралдая сближает идентичный репертуар изображений и игр, свойственных для микрорегиона в разные исторические периоды. Выбивки для игры в тогыз кумалак сделаны, по-видимому, в Средние века и Новое время. Также это наличие в обоих памятниках сцен поединков с определенными вариациями. Культурный ландшафт урочища Теректы (верховья Боралдая) был идентифицирован исследователями как святилище [Байтанаев и др. 2007: 37]. С.А. Потаповым был собран и опубликован широкий

круг сцен поединков и даны интерпретации [Байтанаев и др. 2007: 14–15]. На одной из ровных и патирированных небольших плоскостей, расположенных в самой верхней части ландшафта, были выбиты изображения двух поединков двух пар мужчин (половые признаки явно подчеркнуты, как и в большинстве случаев в эпоху бронзы). Причем, что не характерно для подобных сцен, в нижней сцене присутствует фигура «миротворца», которая руками разводит двух мужчин по разные стороны. «Миротворец» меньших размеров, вероятнее всего, ребенок. При этом вытянутые вперед руки изображены, скорее всего, в виде раскрытых ладоней – совершенно нетипичная черта для подобной сцены. Вероятно, изображение может относиться к несостоявшейся дуэли, сохранившей жизни обоим дуэлянтам. Верхняя сцена представлена двумя противоборствующими мужчинами, которые в одной руке (ближней к художнику) держат предметы – кинжалы. Если сцена не имеет ритуального содержания, то могла окончиться кровопролитием. Половые признаки явно выделены у всех участников поединков, что является совершенно типичным для подобных сцен, да и вообще для искусства этого периода. Знатор подобных сцен С.А. Потапов называет их «ритуальными», замечает, что часто противоборствующие запечатлены с различными видами вооружения, приводит таблицы с изображениями. В таблице 2 приведены изображения шести поединков (одно одиночное изображение) из Боралдая [Байтанаев и др. 2007: 14–15]. На следующей таблице монографии по петроглифам Боралдая представлены подобные сцены из разных памятников Южного Казахстана. Сравнительный анализ изображений из Улкен Шабакты с боралдайскими и другими аналогами выдает определенное расхождение в «сценарии» повествовательной линии изображений. Различия еще и в головных уборах или масках. В случае с мечами имеются маски, которые можно отнести к ритуальным, в таком случае и всю сцену логично будет отнести к неким военным ритуалам. В целом больше встречается изображений поединков на топорах.

Плоскость с изображением охотника на быке: охота на козлов (рис. 6). Охотник стоит на крупе животного, впереди бежит собака, преследуя козла. Одно из животных (объектов охоты) – баран – было выбито в гунно-сарматское время. Композиция была выполнена в верхней части одной из крупных непатирированных плоскостей. Поверхность труднодоступна без веревок или подпорок, занята композицией, на которой изображен охотник (?), стоящий верхом на животном с рогами (быке), торчащими вперед,

Рис. 4. Козел на «высоком, подвижном подиуме». Эпоха бронзы. 36×13 см
4-сур. «Биік, жылжымалы подиумдағы» серке. Қола дәуірі. 36×13 см
Fig. 4. A goat on a «high, movable podium». The Bronze Age. 36×13 cm

охотящийся на красивого архара с помощью палок, скорее, копий. Плоскость покрыта крупными и неглубокими рисунками, которые выдают «смелый замысел» средневекового мастера, стоявшего на неустойчивой подпорке. У большинства изображенных животных в профиль имеются два рога и четыре ноги. Один баран и охотничья собака изображены более схематично – в две ноги. Сцена может быть датирована древнетюркским временем по стилистике, а также по расположению в верхней части крупной, слабо патинированной плоскости. Изображения «читаются» лишь по углублениям и выбивке, которые блестят под другим углом. Фото не приводится из-за того, что практически ничего не видно.

На одной из наклонных плоскостей с плохим качеством поверхности, расположенной в верхней (западной) части местонахождения, изображены три композиции. Два из них читаются достаточно уверенно. На первой изображена колесница с упряжными животными (рис. 7). Была сделана попытка детализации этой композиции, теперь уже плохо воспринимаемой, с акцентом на заднюю часть колесницы. На втором изображении показано вьючное животное (верблюд?). На животном прямоугольная кон-

струкция, интерпретированная нами как некий паланкин с расширением крыши или его не прямой прообраз, то есть конструкция, устанавливаемая на животное/верблюда. Как и переносной паланкин, часть этого сооружения находилась ниже даже живота лошади, тем самым смещая центр тяжести. Кроме того, изображено устройство, с помощью которого конструкция привязывалась/крепилась к животному. Нет никаких оснований датировать эти изображения разными периодами, вероятно, их надо датировать эпохой поздней бронзы. По-видимому, на третьем рисунке единой (по времени, замыслу и руке художника) композицией изображено переносное жилище в разборном состоянии, хотя мы и не настаиваем на этом. В таком случае это одно из самых ранних изображений таких реалий кочевой жизни поздней бронзы, как возможное переносное жилище и малоизвестный науке «паланкин» для перевозки детей и стариков на вьючном животном. Исследователь Токи Дзюн предполагает, что первые паланкины были использованы в 749 г. [Спиридонов 2019: 32] Возможно, что этот не вполне определенный рисунок на скале в Каратау свидетельствует об использовании вьючными животными переносных конструкций типа паланкинов на сотни и тысячи километров в период поздней бронзы, когда подвижность населения резко возросла.

На местонахождении наскального искусства Улькен Шабакты были зафиксированы четыре тамги/танба. Интерпретация двух из них пока затруднительна, предполагается отдельное исследование по всем изображениям. Один из основных методов интерпретации тамги – метод сравнительно-сопоставительного анализа: исследуется общее и особенное в характеристике тамг Казахского Алтая, Жетысу, Шу-Таласского региона, Каратау [Самашев 2020а: 73], а также всего степного пространства Евразии. Однако представляется возможным опубликовать две прорисованные нами тамги. Это может оказаться актуальным, поскольку прорисовка первой тамги потребовала определенных усилий. Вся поверхность камня патинирована практически равномерно, покрыта и другими рисунками-выбивками. Авторы прорисовки оставляют за собой право на ошибку в визуализации этой вы-

бивки, и все же она представляется именно таковой (рис. 8).

Этнической идентификации подобных знаков не приводится. Вероятно, можно предполагать их огузскую принадлежность. В статье также приведена карта распространения основных древнетюркских танба на (эталонных) памятниках наскального искусства, содержащих танба, количество которых 15 [Самашев 2020а: 71, рис. 1]. Очевидно, что число подобных памятников будет расти, как и количество типов. Также будут дополняться данные по генезису танба. «Петлевидная» танба относится к ру Имур (Эймур) [Самашев 2020б: 122]. Этот знак был выбит на относительно небольшом расстоянии от поселений, расположенных на левом берегу реки Улкен Шабакты. Они маркируют принадлежность (раннесредневековых) культурных слоев, являются важнейшей составляющей этого культурного ландшафта. Об этом было важно упомянуть в общей статье по наследию этого ландшафта.

Закключение. В Улкен Шабакты идентифицировано всего несколько сцен и изображений с глубоким мифологическим или эпическим содержанием, выбитых на поверхности камней руками художников своих эпох. Подобные редкие изображения присущи крупным скоплениям петроглифов, которые можно относить к святилищам или местонахождениям петроглифов, обладающим высоким историко-художественным значением (в зависимости от идеологической основы исследователя). Однако в крупных и средних святилищах подобных «культовых» сюжетов, выполненных высококлассными художниками, долж-

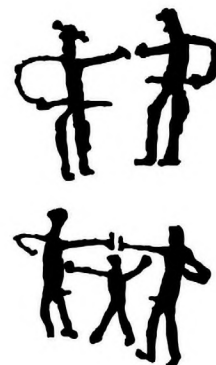

Рис. 5. Сцена с поединками. Эпоха бронзы. 45×15 см

5-сур. Жекпе-жектер көрінісі. Қола дәуірі. 45×15 см

Fig. 5. The fights scene. The Bronze Age. 45×15 cm

Рис. 6. Плоскость с «охотником на туре» и мелкими рогатыми животными.

Эпоха древних тюрков. 80×45 см

6-сур. «Аң аулаған аңшы» және мүйізді ұсақ малдар салынған бет.
Ежелгі түркілер дәуірі. 80×45 см

Fig. 6. Surface with a «hunter on a bull» and small horned animals.
The era of the ancient Turks. 80×45 cm

Рис. 7. Изображения трех объектов: колесничного транспорта (запряженной двуколки), переносной транспортной конструкции, установленной на вьючном животном, некоей конструкции (разборного жилища?). Поздняя бронза. 60×45 см

7-сур. Үш объектінің бейнесі: дөңгелекті көлік (жегілген екі дөңгелекті арба), жегін малға жегілген тасымал көлік; алдебір құрылым (жиналмалы үй?). Кейінгі қола дәуірі. 60×45 см

Fig. 7. Images of three objects: a chariot transport (a harnessed gig), a portable transport structure mounted on a pack animal, a certain structure (a collapsible dwelling?). Late Bronze Age. 60×45 cm

Рис. 8. Танба
сложноструктурированная,
петлевидная.
Раннее Средневековье.
24×15 см

8-сур. Құрылымы күрделі,
ілімек тәрізді таңба.
Ерте ортағасыр. 24×15 см

Fig. 8. The complexly structured
loop-shaped sign of tamga type.
The Early Middle Ages. 24×15 cm

но быть значительно больше. К их числу можно отнести козла на ножках с колесами, расположенного в удобном и коротком сае, плавно понижающемся к речке. Имеются изображения колесниц на возвышающихся над рельефом скалах, что связано также с «чуждом коммуникации», о котором так много было сказано В.А. Новожезовым [Новожезов 2012], ведущего скрупулезный учет всех подобных изображений, а также и другие реалии в виде переносной вьюч-

ным животным конструкции для людей. В ранний железный век выбивались более стандартные изображения, связанные с образом «овна» – фарна, они очень многочисленные и пока малоинформативные. Весьма значительное число изображений с древнетюркского времени до современности как минимум свидетельствует о продолжении традиции наскальных выбивок.

Последовательная смена основных тем от поздней бронзы до последних десятилетий отмечена на алтарной плоскости. Алтарная плоскость явно выделяется как удобством расположения в нижней части склона, недалеко от поселений, так и последовательной хронологической сменой сюжетов. Тем самым публикация этих относительно небольших по числу изображений вводит в научный оборот знания о памятнике наскального искусства, расположенном в малоисследованном регионе северо-восточных склонов Малого Каратау. Он уступает по числу изображений другим памятникам региона, но его изображения, особенно в эпоху бронзы, уникальны и дополняют знания о наскальном искусстве этого периода в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Акымбек Е.Ш. Петроглифы Улькен Шабакты (зимовка Байжан) // Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Таласский район. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2010. 223 с.
- Байпаков К.М., Марьяшев А.Н. Петроглифы Малого Каратау и западной оконечности Киргизского Алатау. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2013. 120 с.
- Байтанаев Б.А., Потапов С.А., Грищенко А.Н. Петроглифы Боралдая. Алматы: Кумбез, 2007. 112 с.
- Байтлеу Д.А. К истории изучения петроглифов Казахстана (по материалам исследований 70–80-х годов XX века) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3: Археология и этнография. С. 17–24.
- Бейсенов А.З., Марьяшев А.Н. Петроглифы раннего железного века Жетысу. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. 156 с.
- Елеуов М., Акымбек А., Қалиев С., Мурғабаяев С., Бақтыбаев М. «Қаратаудың арх. ескерткіштері» ғылыми жобаның аралық 2006 ж. есебі // Архив ИА КН МОН РК. Д. 2779.
- Кадырбаев М.К., Марьяшев А.Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата: Наука, 1977. 232 с.
- Комаров П.А. О Боралдайских письменах // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Год десятый. Ташкент: Типография Туркестанского военного округа, 1905. С. 22–25.
- Максимова А.Г. Наскальные изображения ущелья Тамгалы // Вестник АН КазССР. 1958. № 9 (162). С. 109–111.
- Мариковский П.И. Наскальные рисунки гор Кульджабасы // Труды ИИИЭ АН КазССР. 1961. Т. 12. С. 78–86.
- Марьяшев А.Н., Железняков Б.А. Древности Кулжабасы. Алматы: ИА КН МОН РК, 2014. 150 с.
- Мирзабаев А.С. Петроглифы Боралдая // Археологические открытия 1986 г. М.: Наука, 1988. С. 486–487.
- Мирзабаев А.С., Абсеметова Д.С. Изучение петроглифов Боралдая // Культурное наследие Южного Казахстана (сб. статей). Шымкент, 2002.
- Новоженко В.А. Чудо коммуникации и древнейший колёсный транспорт Евразии. М.: Таус, 2012. 500 с.
- Рекашова М.В. Геологическое строение и структурная эволюция метаморфического комплекса хребта Малый Каратау: Магистерская диссертация, рукопись. СПб.: СПГУ, 2017. 56 с.
- Самашев С.К. Вопросы изучения функции тамгообразных знаков средневековых кочевников Казахстана // Поволжская археология. 2020а. № 4 (34). С. 66–80.
- Самашев С.К. Оғыз таңбалары // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия «Исторические науки. Философия. Религиоведение». 2020б. № 4 (133). С. 117–127.
- Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Таласский район. Алматы: Археологическая экспертиза, 2010. 223 с.
- Спирidonov Г.Б. Синтоистские паланкины: прошлое и настоящее // Японские исследования. 2019. № 2. С. 20–39.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

REFERENCES

- Akymbek, E. S. 2010. In: *Svod pamyatnikov istorii i kultury Zhambylskoy oblasti. Talasskiy rayon (List of monuments of history and culture of the Zhambyl Region)*. Almaty: LLP “Arkheologicheskaya ekspertiza” (in Russian).
- Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2013. *Petroglyphy Malogo Karatau i zapadnoy okonechnosti Kirgizskogo Alatau (Petroglyphs of Malyi Karatau and the western end of the Kyrgyz Alatau)*. Almaty: LLP “Arkheologicheskaya ekspertiza” (in Russian).
- Baitanayev, B. A., Potapov, S. A., Grisichenko, A. N. 2007. *Petroglyphy Boraldaya (Petroglyphs of Boraldaya)*. Almaty: “Kumbez” Publ. (in Russian).
- Baitileu, D. A. 2007. In: *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya (Vestnik NSU. Series: History and Philology)*, 6 (3), 17–24 (in Russian).
- Beisenov, A. Z., Maryashev, A. N. 2014. *Petroglyphy rannego zheleznogo veka Zhetysu (Petroglyphs of the early Iron Age of Zhetysu)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- Yeleuov, M., Akymbek, A., Kaliev, S., Murgabayev, S., Baqtybaev, M. 2006. In: Scientific Archive of the Margulan Institute of Archaeology. D. 779 (in Russian).
- Kadyrbayev, M. K., Maryashev, A. N. 1977. *Naskalnye izobrazheniya khrebtu Karatau (Rock paintings of the Karatau ridge)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).

- Komarov, P. A. 1905. In: *Protokoly Turkestanskogo kruzhka lyubiteley arkheologii (Protocols of Turkestan section of archaeology amateurs)*. Tashkent: Tipografiya Turkestanskogo voennogo okruga, 22–25 (in Russian).
- Maksimova, A. G. 1958. In: *Vestnik AN KazSSR (Bulletin of Kazakh SSR Academy of Sciences)*, 9 (162), 109–111 (in Russian).
- Marikovskiy, P. I. 1961. In: *Trudy IIAE AN KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of KazSSR Academy of Sciences)*, 12, 78–86 (in Russian).
- Maryashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2014. *Drevnosti Kulzhabasy (Antiquities of Kulzhabasy)*. Almaty: Margulan Institute of Archaeology (in Russian).
- Mirzabaev, A. S. 1988. In: Shilov, V. P. (ed.). *Arkheologicheskie otkrytiya – 1986 (Archaeological Discoveries – 1986)*. Moscow: “Nauka” Publ., 486–487 (in Russian).
- Mirzabaev, A. S., Absematova, D. S. (compl.). 2002. *Kulturnoe nasledie Yuzhnogo Kazakhstana (Cultural Heritage of Southern Kazakhstan)*. Shymkent (in Russian).
- Novozhenov, V. A. 2012. *Chudo kommunikatsii i drevneyshiy kolesnyi transport Evrazii (Miracle of communication and ancient wheeled transport of Eurasia)*. Moscow: “Taus” Publ. (in Russian).
- Rekashova, M. V. 2017. *Geologicheskoye stroeniye i strukturnaya evolyutsiya metamorficheskogo kompleksa khrebtu Malyi Karatau (Geological structure and structural evolution of the metamorphic complex of the Malyi Karatau ridge)*: master’s thesis, manuscript. St. Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).
- Samashev, S. K. 2020a. In: *Povolzhskaya arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*, 4 (34), 66–80 (in Russian).
- Samashev, S. K. 2020b. In: *Vestnik Evraziyskogo natsional’nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Seriya “Istoricheskiye nauki. Filosofiya. Religiovedeniye” (Bulletin of the L.N. Gumilev Eurasian National University. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies)*, 4 (133), 117–127 (in Russian).
- Svod pamyatnikov istorii i kultury Zhambylskoy oblasti. Talasskiy rayon (List of monuments of history and culture of the Zhambyl Region)*. 2010. Almaty: Arkheologicheskaya ekspertiza (in Russian).
- Spiridonov, G. B. 2019. In: *Yaponskiye issledovaniya (Japanese Studies in Russia)*, 2, 20–39 (in Russian).
- Sher, Y. A. 1980. *Petroglyphy Sredney i Tsentralnoy Azii (Petroglyphs of Central and Middle Asia)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді. /
Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. /
Disclosure of conflict of interest information. The authors claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.03.2023.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 30.04.2023.

Авторлар жұмысқа бірдей үлес қосты. / Авторы внесли равноценный вклад в работу. / The authors have made an equal contribution to the work.

